

Критик и публицист Геннадий Муриков собрал хороший урожай своих статей и рецензий в сборнике «Взрыв. Сборник статей и рецензий» (СПб., 2022). Взрывной волной донесло до моего сознания французского небокоптителя чужбины кое-какие политологические и культуроведческие мысли monsieur Мурикова. Поскольку перед нами не ядерный взрыв, а лишь свод культурно-исторических данностей, то мощностъ энергетики сего труда определится не в тротиловом эквиваленте бомбо-взрыва, а по соответствию творческой шкале Гамбургского счёта, ибо представленная планка аналитического зондажа довольно высока, и авторская интерпретация рассматриваемых величин смысл не «вносит» в них, а, как и подобает вдумчивому аналитику, — «выносит» из них. То есть, помогает постичь подлинную суть событий фокусом сдвинутой в сегодня реальности — оценка ретроспекции взглядом из современности.

Круг отражённых тем горизонтально широк: от масоно-конспирологической подоплёки порешения России двумя войнами до проекции «серебряного века» на гламурию постмодерна. Выражаясь по-кантовски, Г. Муриков априори непознаваемые «вещи в себе» (*Ding an sich* — бытие вещей самих по себе, безотносительно познания) преобразует в феномен «вещи для нас». Вопрос лишь в том, насколько первое соответствует второму, или: в какой мере феномены могут предоставить нам информацию о ноуменах. Посему каждый представленный в книге факт как спорен относительно *истины в последней инстанции* (которой владеет только Бог), так и безупречен в колее *pro et contra*.

В первой главе отсчётной единицей предательства России Малороссией назван Мазепа. Однако с точки зрения событийного «чистописания» первую крупную «зраду» — подлянку «москалям» осуществил выбранный по смерти Богдана Хмельницкого в гетманы Иван Выговский: подписанием в 1658 г. Гадячского договора — курса на разрыв с «москалями» и сближение с поляками. Мазепа был после того. Однако эта русская трактовка противоречит украинской позиции по вопросу, не без оснований утверждающей, что в 1654 г. Москва обманула Малороссию

несправедливостью к ней. Так что мутно-понятийные истоки борьбы Москвы с Речью Посполитою за Малороссию журчат по сегодня.

А история складывалась, видимо, так (ведь знание — априори относительно). Выговский при поддержке татар ненадолго победил «москалей» под Конотопом (1659 г.). Затем к московским воеводам переметнулся новый гетман — Юрий Хмельницкий — сын Богдана. После него Малороссия разделилась на две части: «левобережники» под водительством запорожского атамана Брюховецкого остались за Москвой, а вся «Правобережная Украина» (кроме Киева) отошла Польше. Смуту в Малороссии, перешедшую в десятилетнюю войну (1657–67 гг.) Москвы с Речью Посполитой, решило в 1667 г. в деревне Андрусове (недалеко от Смоленска) заключённое перемирие почти на полтора десятка лет. Царь Алексей Михайлович отказался от Литвы, оставив за собою Смоленск и Северскую землю. Но он приобрёл Левобережную Украину, а на правом берегу Днепра — Киев, уступленный поляками на два года, но оставшийся российским до кончины СССР. Таким образом, по Андрусовскому договору Малороссия осталась разделённой.

С целью изменить свой статус-кво малороссы поддались Турции, чтобы с её помощью добыть независимость от Москвы и Польши. Брюховецкий изменил Москве и вместе с правобережным гетманом Дорошенко присягнул на верность султану. Над Россией нависла опасность войны с Турцией. Нынешний этап битвы за Украину — следствие тех *недорешений* межнационального спора.

И противоречиво-сложная фигура Петра I являет собой смесь красот и безобразий. Эта историческая фигура — не линейного измерения («первый большевик», али «интеллигент»?), а пространственно-объёмного склада. Мне он представляется настоящим прорабом проруба морской изоляции России, русским первоимперцем. И я горд быть кавалером ордена Петра Великого I степени («За заслуги и большой личный вклад в развитие дружбы и сотрудничества между Россией и Кыргызстаном — за помощь в создании концепции национальной безопасности»).

Хотя и нужно было России прекратить платить дань «татарскому игу» (поборы Ордой не прекратились и после 1480 г.), смущает категоричностью утверждение Г. Мурикова, что «Пётр решил “разделаться с Азией”». Нынешний социально-политический тренд России совершенно иной: это устремлённость к себе самим в Евразию. «Если Россия будет спасена, то только через евразийство» — стратегический азимут для россиян по Льву Гумилёву, создателю пассионарной теории этногенеза.

Конечно, имя Мазепы — как позывные предательства — закрепились в сознании Русского мира, как и негативно смысловой антирусский плацдарм Ельцин-центр — эта эмблема предательства национальных интересов России. Так что народная «кликуха» того или иного субъекта истории нередко являет большую реальность, чем «если читать историю». Следовательно, Мазепу допустимо считать, как и автор рецензируемого сборника, «первым на Руси ясно выраженным сепаратистом». Это не помешало Петру I наградить этого союзника в борьбе со шведами только что учреждённым тогда орденом Святого Андрея Первозванного.

Ещё позволю себе подкорректировать один момент авторской констатации: «В процессе декоммунизации следовало бы заметить, что при распаде СССР должны были автоматически аннулироваться все указы и постановления советского периода — это моё частное мнение». Но тогда Россия не получила бы статуса «правопреемник СССР». Впрочем, из-за несовершенства законодательной базы правовая коллизия при распаде СССР всё равно возникла, потому как одни и те же правоотношения регулируются несколькими нормами права, содержащими противоречащие друг другу предписания. Чтобы покончить с юридической коллизией в вопросе о законности признания крымчан гражданами России, Госсовет Крыма только что обратился в Конституционный суд, чтобы отменить указ о передаче полуострова Украине. Радикально-хирургический приём снятия противоречия — на манер рецептуры из «Горе от ума»: «а чтобы зло пресечь, — собрать все книги, да и сжечь!».

Гоголь подаётся как «кокетничанье перед Богом»: он, дескать, «заигрывает» с официальным богословием. А тягу русских писателей к нравоучительству Муриков квалифицирует как «форму сектантства»: мол, от «неполноты убеждённости в церковном вероучении». Полагаю, имеет место быть такой грешок. И Пушкин, помнится, вычитал в юности в старинных фолиантах, исповедовал кодекс облегчённого благочестия. Апостол Пётр пишет о том, на каком основании возникает благочестие. Сначала необходима вера в то, что мы являемся причастниками Бога, т.е. живём, уподобляясь Ему. Эта вера родит в нас добродетель (желание удалиться от растлевающих мирских похотей). Добродетель научит нас рассудительности, т.е. способности понимать, что хорошо и что плохо, выбирая правду. Рассудительность поведёт нас к способности воздерживаться от восстающих на нас похотей. А тренировка в воздержании даст нам способность быть терпеливыми.

И вот уже от способности терпеть рождается такое качество верующего, как благочестие — возможность держать свою христианскую честь чистой, не осквернённой от мира.

Говоря об исторических катастрофах, автор концентрирует внимание на религиозно-философской проблематике — вопросах веры. В этом аспекте Версальский договор — это «прелюдия к катастрофе». Для раскодировки тайной подоплёки причинно-следственных роковых событий тех лет предлагается так называемую Первую мировую войну считать третьей, если вести отсчёт от Тридцатилетней войны (1618–48 гг.). Даже протяжённость обеих войн одинакова: по 30 лет, ибо Первая мировая война вообще не закончилась подписанием Версальского мирного договора. В 1931 году Япония нападает на Китай; военные действия как бы перемещаются в Юго-Восточную Азию, но сама война не прекращается, и в 1939 году она вновь вспыхивает в Европе. Так что ключевые даты её: 1914–1945 гг.

Первую мировую войну называют войной трёх двоюродных братьев: английский король Георг V приходился двоюродным братом русскому императору Николаю II, их матери были родными сёстрами, а германский император Вильгельм II с Георгом V были прямыми внуками королевы Виктории. Но переплетение тронного родства не помешало закулисе раздуть мировой пожар убийством Франца Фердинанда. Макс Хейстингс в книге «The First World War» («Первая мировая война») характеризует эрцгерцога «истовым католиком, не терпящим масонов, иудеев и либералов». Он — австрийский император с симпатией к русским: «Я никогда не вступлю в войну с Россией. Я готов идти на жертвы, чтобы этого избежать. Война между Австрией и Россией закончится свержением либо династии Романовых, либо Габсбургов — либо обеих династий». Императору Николаю I, выступившему во время венгерско-масонской революции 1848 года в поддержку правительства Габсбургов, аукнулась защита Австро-Венгерской империи поражением России в Крымской войне. «Переписка Вильгельма II с Николаем II» — двух братьев-императоров — ясно свидетельствует о том, что никакого принципиального конфликта между Россией и Германией в то время не существовало, а у обеих стран была напряжённость по отношению к США: «Американцы определённо “белые” и “анти-жёлтые”; <...> Япония опасна для Филиппин, на которые японцы устремляют завистливые взоры, потеря же Филиппин неблагоприятно отозвалась бы на положении Америки в Тихом океане» (письмо Вильгельма 26.09.1905).

Ещё одно интересное свидетельство: Вильгельм предостерегает Николая об опасностях союза России с Францией и Англией в рамках Антанты.

Паутина Первой мировой войны дотянулась до нынешней Украины. П.Н. Дурново, советник императора, предупреждал Николая II ещё в 1905–06 гг. в своей провиденциальной Записке, что основная тяжесть возможной войны ляжет на Россию, в которой «единственным призом может быть Галиция». Но «только безумец может хотеть присоединить Галицию. Кто присоединит Галицию, потеряет империю...». Как в воду глядел. Сталин, присоединив Галицию, включая Львов (Лемберг), посеял зёрна межнациональных конфликтов, которые проросли событиями на Украине с 2014 года по настоящее время. Прогноз П.Н. Дурново оказался пророческим.

Верно схвачена автором событийная канва взаимосвязанных обстоятельств по уничтожению христианских монархий. Но вряд ли при этом следует взваливать вину за свершившееся на «национализм». Ибо этот сгусток национального настоя представляется благом в противостоянии «атаке первобытных сил», что в эквиваленте наших дней — цунами ЛГБТэшной вакханалии «постмодерна». И не «христианство потеряло свой смысл и разваливается», а его насильственным сбоем нравственной матрицы делают заложником происков антихриста: селятся представить проигрывающим в столкновении с лавиной злобно декадентствующей мелкой бесовщины. Это, как говорится, «две большие разницы».

Поэт Велимир Хлебников на этом поставил бы точку, сказав: и так далее. Что я и делаю охотно, уловив его императив флюид. Поскольку все остальные главы этого почти 500-страничного труда в основном столь же детонационно полемичны, считаю название книги соответствующим взрывной зажигательности провокативно-задиристого текста. При несколько длинноватом авторском разбеге прыжка в тему перед нами фактологическое пособие по самопознанию России, уточняющее координаты спорных исторических феноменов. Книга сия гожа для всех: как для пытливых ищущих студентов, так и для «нашедших истину» академистов (для смещения и смущения их самоуверенности). Истина по философу Фридриху Ницше буйна, весела, неординарна — «Весёлая наука» («Die fröhliche Wissenschaft»). И искусство, как понимаю, — «пляшущая звезда» в смещённой действительности. И Геннадий Муриков не пасынок этой стихии.